

Секреты
женского счастья

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачева

Трудности
белых ворон

Р О М А Н

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии
Сергея Власова

Колочкова, Вера.
К61 Трудности белых ворон : роман / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-101558-9

Илья с детства умудрялся попадать в самые невероятные истории. В нем словно была заложена программа альтруиста — помогать всем даже в ущерб свои интересам. Среди своего окружения он белая ворона, но однажды Илья едет искать своего отца, и оказывается, что быть особенным не так уж и плохо...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101558-9

© Колочкова В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ЧАСТЬ I

1

Поезд чуть дрогнул и тихо тронулся, плавно поплыл за окном грустный черно-белый пейзажик маленькой станции, жалкий и неуютный в серых февральских сумерках. Илья поневоле съежился, сунул ладони себе под мышки — замерз... Холодно очень. Холодно и как-то по-особому неприятно было в этом зимнем поезде сообщением Краснодар — Екатеринбург, в этом пустом купе с мигающими под потолком хилыми лампочками... Хорошо, хоть не голодно. Последние, вышедшие еще в Самаре попутчики, неловко извиняясь, оставили худенькому белобрысому юноше, совсем еще с виду мальчишке, большой пакет не съеденных в дороге припасов — не пропадать же добро, в самом деле. Да еще от того, может, что пожалели его: сидит, как воробей, съежившись у окошка, уставился своими огромными грустными глазищами в окно и молчит. Так и просидел все время, в дорожно-душевных разговорах участия не принимая. А оставленные

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ему сердобольными пассажирами припасы пришлось очень даже и кстати — времени-то на покупку продуктов в дорогу все равно не было, да и денег особых у него с собой тоже не имелось...

«И правда, поесть, что ли, — отвлечься таким способом от противных своих мыслей. Теперь-то можно...» — подумалось Илье грустно. Вот когда он туда, в Краснодар, ехал на этом же поезде трое суток, уж точно думать о еде не мог. Волновался страшно, все представлял встречу с отцом и так и этак, да еще и заготовленную заранее речь вновь и вновь репетировал, повторяя в уме одни и те же фразы в разных их вариациях. Только зря он так готовился — не получилось никакой трогательной встречи. А получилось все совершеннейшим кувырком, хуже и придумать нельзя. Потому как это ж дети знают наверняка, что у них по логике вещей отцы где-то должны присутствовать, а вот отцы — совсем даже и необязательно... Вот и осталась лежать камешком в душе противная суматошная досада — и не досада даже, а неловкость какая-то. Может, потому, что ожидал большего, конечно, а может, просто за себя ужасно обидно было — так сильно хотел он его найти. Даже как будто должен был. Вот должен, и все тут. Он и сам не знал, откуда у него вдруг взялась та-

Трудности белых ворон

кая уверенность, что не стоит довольствоваться этой маминой историей про автокатастрофу — звучит-то как банально, господи... Ох уж эти матери, вырастившие своих сыновей без отцов, ну что с них возьмешь! Кроме автокатастрофы, ни на что больше фантазии не хватает. Он когда и маленьким был, в эту мамину притчу не верил. Вот потому и вычислил отца в два счета. Ну, не без бабкиной помощи, конечно... Еле-еле дождался, когда мать на учебу свою медицинскую в Москву уедет. И так удачно эта ее поездка с зимними каникулами совпала — как раз времени хватило из Екатеринбурга в Краснодар и обратно на поезде сгонять. И что? Теперь вот возвращается домой — и вспоминать ему про все это тошно...

Илья сильно зажмурился и с трудом проглотил застрявший в горле комок. Казалось, душа до сих пор трясется от страха и волнения. Как тогда, перед той самой дверью с заветной табличкой, на которой черным по белому было написано: «Заведующий хирургическим отделением Петров Д.А.». Снова увидел как со стороны: вот он заставляет себя открыть эту дверь, вот входит, да и не входит даже, а влетает со всего размаху, вот проговаривает быстро, на одном выдохе сидящему за старым письменным столом маленькому доктору в белом халате:

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Я Илья Гришковец! Сын Татьяны Львовны Гришковец и ваш сын тоже, здравствуйте...

А дальше — как в дурном сне. Доктор удивленно поднимает на него грустные и добрые, очень уставшие глаза, откидывается на спинку стула и испуганно оглядывается на стоящую у окна маленькую женщину в таком же белом крахмальном халате, в белой шапочке, натянутой на лоб до самых громоздких очков с толстыми стеклами, будто ждет от нее каких-то объяснений. А она, кстати, тогда и не смотрела даже в их сторону — казалось, происходящее вообще не интересует ее никаким образом. И только по напряженно сжатым в карманах белого халата кулакам можно было догадаться — есть, есть ей до всего этого дело...

— Ты что-то путаешь, парень... — снова повернулся к нему доктор Петров Дмитрий Алексеевич, его отец. — Как, говоришь, мать зовут? Татьяна Львовна? Гришковец? А ты, значит, Илья Гришковец? Нет, не знаю... Не помню... Нет, точно не знаю... Ты что-то путаешь, парень!

— Да нет, вы не думайте... Я ж ничего не хочу... — пытался объяснить Илья, приходя в ужас от создавшейся неловкой ситуации. — Я ж просто увидеть вас хотел, и все! Ехал на поезде трое суток...

Трудности белых ворон

— Аня, я сам ничего не понимаю, — вглядываясь в бликующие стекла очков маленькой женщины, оправдывался его отец. — Мальчик ошибся, наверное...

— Да не ошибся я!

— Это жена моя, Анна Сергеевна, — снова развернувшись к Илье и махнув рукой в сторону женщины, с досадой пояснил он. — А тебя твоя мать ко мне послала, что ли?

— Да нет же, я сам... Она говорила, что вы погибли, когда я еще не родился...

Илья изо всех сил напрягся, пытаясь вспомнить заветные проникновенные слова из приготовленной заранее речи, да не смог — дыхание вновь пресеклось, слезы отчаянного волнения душным комком подступили к горлу. Он махнул рукой и пулей вылетел из кабинета, заметался по больничному коридору, ища выход. К его отчаянию мигом прилепилось, делая его еще более ужасающим, и чувство стыдливой неловкости — вот же, подвел человека, завел такой щекотливый разговор при жене! Он вообще был мальчиком эмоциональным и без того любую неловкую ситуацию переживал всегда слишком болезненно. А тут плюсом такая подстава...

— Эй, парень, постой! — услышал он за спиной женский голос. — Да постой же, чего ты бежишь так! Илья!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Анна Сергеевна догнала его уже на крыльце, схватила, запыхавшись, за рукав куртки.

— Стой, не убегай! Чего ты испугался-то? Стой здесь и жди! Я сейчас оденусь и провожу тебя. По дороге поговорим. Дождешься?

— Ага...

— Обещаешь? Я быстро! Вон посиди на скамеечке, приди в себя!

Он послушно уселся на скамейку около крыльца, оперся локтями в худые коленки, обхватил ладонями голову. Опять по-детски захотелось заплакать, но он тут же взял себя в руки: какие слезы, если сам виноват. Натворил дел... Влетел в кабинет, как мальчишка, здрасьте-нате, я ваш сын. А ведь взрослый человек уже, двадцать лет, студент второго курса юридической академии как-никак. А чертовы слезы все равно близко, и приходится глубоко дышать, и глотать их, и считать до ста, будь они неладны...

— Ну пошли, рассказывай, — услышал он над головой спокойный доброжелательный голос. — Да не бойся ты! Меня Анной Сергеевной зовут, помнишь?

Без белого халата Анна Сергеевна выглядела уже не так грозно, как показалось ему вначале. Скорее даже наоборот, вызывала симпатию своей обыкновенностью: тетка как тетка, неухоженная и замученная, с отросшими кор-

Трудности белых ворон

нями седых волос, в давно уже не модном кожаном черном пальто с капюшоном.

— Так почему ты решил, что Дмитрий Алексеевич — твой отец? — без тени насмешки, участливо спросила она, идя медленно рядом и поглядывая искоса снизу вверх.

— Да ну... Неинтересно это все... — засмущался тут же Илья, покраснев и втянув голову в плечи. — И вообще, вы меня извините, ради бога, что я вот так, бесцеремонно...

— Да перестань, чего ты, как маленький. Ну? Рассказывай давай все по порядку. Почему ты решил, что Дмитрий Алексеевич — твой отец?

— Да мы с бабкой его недавно только вычислили, знаете ли. То есть бабка-то про него всегда знала, только молчала. А мама мне совсем-совсем другое говорила. А про настоящего отца тоже всегда молчала...

Илья вдруг и сам замолчал, будто осекся на полуслове. Рассказывать не хотелось. Если уж рассказывать — то ведь надо про все... А про все и тем более не хотелось — сор из избы выносить...

Татьяна Львовна, мать Ильи, наличие в его жизни настоящего отца, Петрова Дмитрия Алексеевича, действительно скрывала. Вообще она была яростной сторонницей жесткого мужского воспитания сына и бесконечно спорила

ВЕРА КОЛОЧКОВА

на эту тему с матерью своей и теткой — по ее глубокому убеждению, мальчик вырос в совершенно мягком, неправильно-женском окружении. Не помогал даже специально для него создаваемый одухотворенный образ мужественного и целеустремленного отца, «нелепо и трагически погибшего», на которого он просто обязан был походить по всем своим жизненным показателям. Не помогала и многократно периодически повторяющаяся, с болезненным материнским укором произносимая фраза «...а вот был бы жив твой отец...». Чем ее не устраивал в этом отношении образ живого доктора Петрова, только ей одной ведомо было. Илья не верил ей. И прав оказался, что не верил. Когда случайно услышал однажды обращенное к матери бабкино «...чего бога гневишь, живого хоронишь», — обрадовался даже как-то. Еще подумалось ему тогда — слава богу, есть, есть где-то живой и обыкновенный мужик, его отец, а не пугающе-бесплотный образ — героический фантом... Бабка, правда, долго сопротивлялась, не хотела ничего рассказывать внуку. А потом сдалась под его напором...

Оказалось, двадцать лет назад именно в эту больницу, в которой он сегодня так неудачно побывал, после институтского распределения и приехала Таня Гришкова, его мать, как молодая специалистка. А через некоторое вре-

Трудности белых ворон

мя вдруг домой вернулась, даже интернатуру свою не закончив. Как выяснилось позже — беременная. И даже очень сильно беременная. Так что рожать или не рожать Тане ребенка — вопрос уже и не стоял. Просто обстоятельство это было принято как факт Таниной матерью Эльвирой и Таниной теткой Элеонорой, сестрами-близнецами, всю жизнь вместе с ней прожившими, — Вирочкой да Норочкой, как их все называли. Потому как одну от другой ну просто совершенно отличить было невозможно. Если, конечно, не брать в расчет главное их отличие — Элеонорины костыли. Правую ногу ей еще в детстве ампутировали.

— Ну? Чего ты замолчал, Илья? Значит, тебе бабушка твоя рассказала про отца, да?

— Ну да... — нехотя повернулся к Анне Сергеевне Илья. — И телефон даже его дала — в свое время от мамы тайком из ее записной книжки переписала. Так, говорит, на всякий случай, мало ли что... Вот я и позвонил по нему в Краснодар. Мне сказали, что этот самый доктор Петров работает теперь заведующим хирургическим отделением... Бабка Нора и говорит — поезжай, посмотри на него своими глазами, раз тебе так хочется!

— А тебе хотелось на него посмотреть?

— Очень хотелось. У меня ж отца никогда не было — мама меня даже на фамилию свою

ВЕРА КОЛОЧКОВА

записала. Я ж не знал, что все так по-дурацки получится!

Анна Сергеевна остановилась, долго смотрела ему в лицо, нахмутив брови, как будто что-то мучительно вспоминала и никак не могла вспомнить. Что уж говорить — странные и противоречивые чувства из смеси любопытства, опасности, стародавней ревности да обыкновенной бабской жалости к этому мальчику боролись-клубились в ней, как, впрочем, они так же боролись бы и клубились и у всякой другой женщины в такой непростой ситуации. Но жалость все же победила — и то, что мальчик ведь тут ни при чем. Да и любопытство тоже возобладало — какой он, интересно, этот еще один сын Петрова...

— Ты не обижайся на него, Илья. У тебя, знаешь, замечательный отец. Только бабник жуткий.

— Да что вы, Анна Сергеевна, какие обиды! Я вообще в принципе обижаться не умею! Что вы...

— И маму твою я помню — Таню Гришкoveц. Сама ее двадцать лет назад отсюда выгнала! Я как раз беременная была, когда у них тут бурный роман случился. Тебе сейчас двадцать, наверное?

— Да, скоро уже двадцать один будет.

Трудности белых ворон

— Ну да, все правильно. Вовка мой, получается, старше тебя на три года, а Сашка — твой одноклассник. А еще у нас младший Артем растет, шестнадцать недавно отметили. Он у меня приемный, младшенький-то. Петров его десять лет назад привел, это его сын от другой женщины. Умерла она, парень один остался. Я его как родного приняла. А что было делать, знаешь...

Она вздохнула и замолчала, шла тихонько рядом, сильно нахмутив лоб и выставив перед собой маленькую ладошку, словно никак не могла подобрать соответствующих случаю слов. Да и то — как объяснишь мальчику, что жизнь у мужиков-медиков вообще не сахар, что работа тяжелая, а зарплата копеечная... Что всех у них и радостей — любовью себя забавлять в ночные свои дежурства, и что романы у ее мужа и до сих пор случаются на неделе по восемь раз — бабы, как ошалелые, сами в койку прыгают, глаз да глаз нужен... Потом, махнув решительно рукой, будто переборов в себе что-то или откинув подальше грустные эти объяснения, горячо заговорила:

— Илья, только ты плохо о нем все равно не думай! Он хоть и бабник первостатейный, а даже и в этом деле очень порядочный, если можно так выразиться. Бывает, и не до забав ему — в каждую женщину влюбляется, как в первую и

ВЕРА КОЛОЧКОВА

последнюю в жизни. Такой вот он... Так и живу я с ним, да... — Анна Сергеевна вздохнула, снова помолчала немного. — И сплю вполглаза и нервничаю постоянно — все мужа пасу... Оттого и состарилась раньше времени. А мать у тебя до сих пор красивая, наверное?

— Да ничего... — задумчиво произнес Илья. — Красивая...

— Значит, беременную я тогда ее выгнала. Шуганула я, значит, мать твою, прошу за каламбур прощения, по полной программе. А она вон как. Ай да Танечка — кто бы мог подумать... Видимо, и Петрову ничего не сказала, иначе он бы не допустил, чтоб ты его не знал совсем, он не из таких! Это сегодня растерялся просто — ты ж свалился как снег на голову. Сейчас наверняка сидит и переживает. Еще бы ему не переживать... Ты ведь, знаешь, четвертый уже по счету!

— В каком смысле? — удивленно уставился на нее Илья.

— А до тебя еще трое внебрачных деток объявилось, представляешь? Два брата и сестренка.

— Да?!

— Так я ж и говорю — такой вот он, папаша твой...

Она снова замолчала, будто вмиг провалившись в те давние времена, снова увидела, как

Трудности белых ворон

на картинке, и себя, маленькую неказистую фельдшерицу, и Петрова своего, и Танечку Гришковец — раскрасавицу. В самом деле, уж как Петрову было в нее не влюбиться! Высокая, статная, в себе уверенная, вся из себя гордо-праздничная такая женщина, вот только глаза иногда очень уж серьезно-печальными бывали. Она еще и землячкой Петрова оказалась, как на грех. А ее, Анну, тогда совсем токсикоз замучил — второй, Сашка, не просто ей дался. Ходила страшная, злющая. И так-то никогда в красавицах не числилась, даже по молодости, а тут вообще расквасилась — без слез и не взглянешь. Вот и шуганула она Танечку с удовольствием — всю свою бабскую обиду на ней одной выместила. Да ее никто и не осудил тогда — все и так понятно было: жена беременная, а тут вдруг у мужа — очередная любовь. Теперь вот — нате вам...

— Что же. Как говорится, пришло время собирать очередные камни... — тихо вздохнула женщина, будто возвращаясь из прошлого и с грустной улыбкой глядя на Илью.

— Да ладно вам, Анна Сергеевна. Какие камни! Я посмотрел на него, и хватит. И уеду сегодня же. У меня поезд через два часа.

— А ты и правда на него зла не держи, мальчик! — будто не слыша, продолжала говорить она, снова вцепившись в рукав его курт-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ки. — Он хоть и бабник, и крови моей попил достаточно, а мужик все равно достойный. Честный, порядочный, безотказный. Самый лучший хирург в городе! Такому все простить можно, так ведь?

— Да, Анна Сергеевна. Наверное.

Она снова резко развернула его к себе, снова с напряженным вниманием долго вглядывалась в его лицо. Наконец, грустно улыбнувшись, тихо и ласково проговорила:

— А ты очень на него похож, Илья. И на Сашку моего похож, на среднего сына... Да и Вовкино что-то есть... Петровская порода, в общем, ни убавить ни прибавить. И походка у тебя такая же, и глаза, и голос...

— Спасибо, — расплылся вдруг в благодарной улыбке Илья. — Спасибо вам, Анна Сергеевна.

— Слушай, а пошли к нам! Надо ж тебе с братьями познакомиться! — совершенно неожиданно для самой себя вдруг предложила она.

— Да нет, спасибо, у меня правда поезд через два часа, а еще до вокзала надо добратся! — торопливо отказался Илья. К тому же в кармане куртки уж совершенно некстати заверещал мобильник — наверняка мать звонит, как чувствует чего... Илья достал телефон, глянул на дисплей, нехотя принял звонок и, отвернувшись в сторону от Анны Сергеевны, ти-

Трудности белых ворон

хо начал бормотать в трубку: — Да, мам, слушаю... Из института еду... Да, скоро буду дома, все в порядке у нас. Голос? А что голос? Нет, правда, все хорошо, не волнуйся. Давление бабке меряю, конечно... Да... Ой, да все нормально, чего ты... Ну давай, все, пока... У меня батарея садится...

— А мама долго еще в Москве будет?

— Дня три еще, а что?

— Так оставайся! Все равно уж обманул мать! Семь бед — один ответ! — тихо продолжая удивляться благородному своему порыву, продолжала уговаривать его Анна Сергеевна.

— Да нет, я и правда не могу, — развел руки в стороны Илья. — Бабка же там одна. Она ведь старенькая уже, да и на костылях еще. И так только через трое суток дома буду! Можно было б на самолете, да дорого...

— А если б ты отца не нашел? А если бы он на операции был? Так бы и уехал?

— Так ведь нашел же!

— Ну хоть на сутки останься! Он же потом изведется весь! Я ж его знаю...

— Нет, Анна Сергеевна, не могу. Правда, не могу. Спасибо вам.

— Ну ладно, ну что ж... Тогда я тебя до поезда провожу! Расскажи мне о маме...

— Нет, лучше вы мне еще про отца расскажите!

Задумавшись, Илья не заметил, как умял целых пять больших пирогов с капустой да два сваренных вкрутую яйца. От еды и правда полегчало, будто досада, засевшая внутри холодной занозой, тоже поутихла. Да и поезд показался не таким уж и неприятным — поезд как поезд, подумаешь. Он даже улыбнулся сам себе тихонько для бодрости и тут же решил, что в панику от произошедшего с ним впадать больше не станет, а совсем даже наоборот, постарается разложить все по полочкам: хорошее — к хорошему, плохое — к плохому. А потом из плохого, следуя теории бабки Норы, постарается извлечь для себя тоже одно хорошее, а иначе никак, иначе и жить нельзя. Одно только обстоятельство для Ильи было неисправимо-мучительным — как же он так отца своего, доктора Петрова, сильно под монастырь подвел... А с другой стороны — Америки-то он не открыл для жены его. Как она, эта Анна Сергеевна, лихо про мужа-то своего сказала — вроде как ни одной юбки не пропустил. И с его матерью у него тоже вроде как случайно все получилось, и он, выходит, в его жизни тоже случайный фактор...

Вспомнив о матери, он снова вздохнул горестно и уставился в серые февральские су-